Есин Сергей Николаевич (писатель) 15.12.05
152
НГ Ex libris (прил. к Независимой). — 2005. — 15 дек. — с. 3

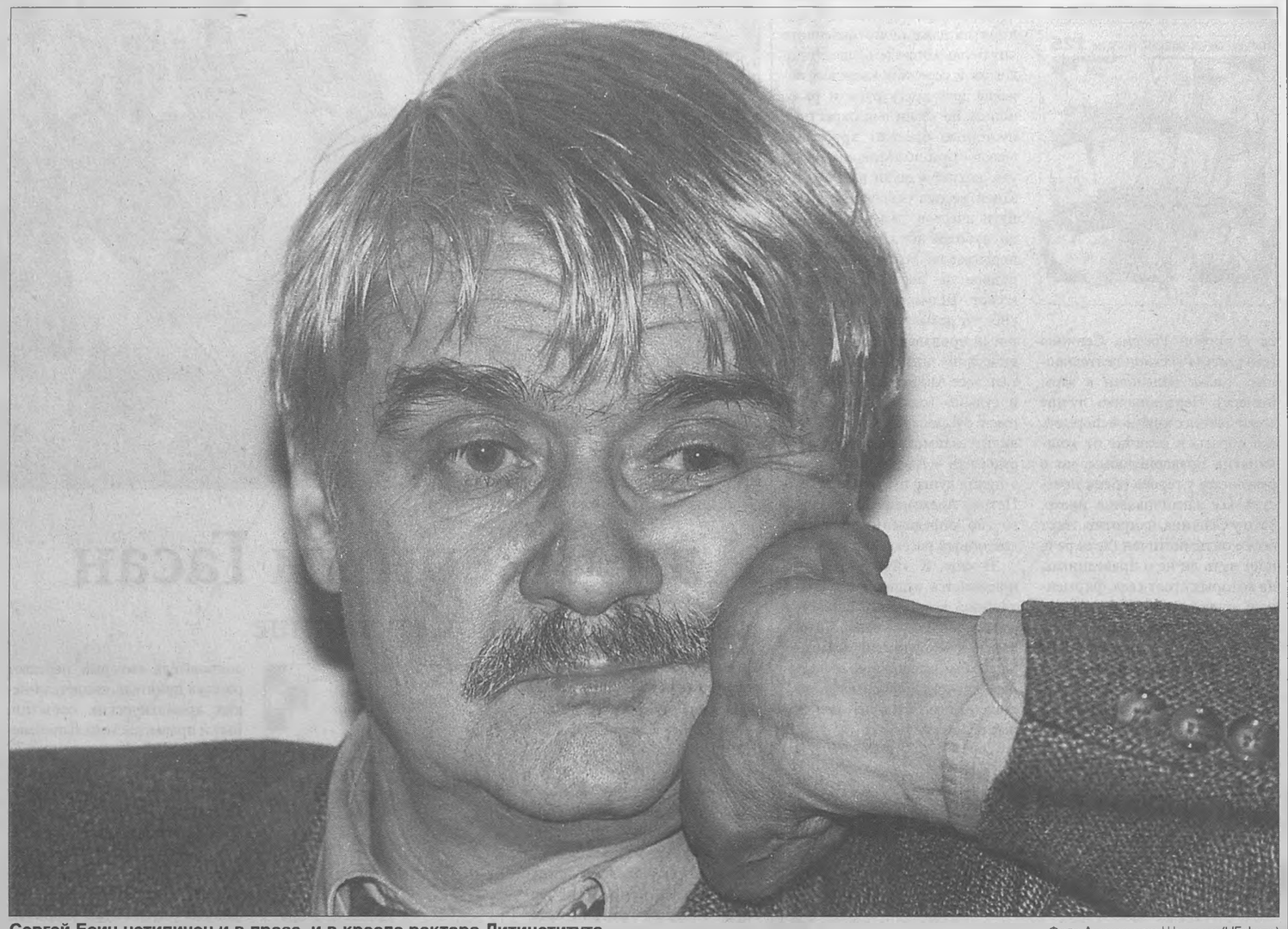
КАФЕДРА

Народный наблюдатель

Книги Сергея Есина – это «социальная метафизика»

Сергей Шаргунов

Известному писателю, ректору Литературного института Сергею Николаевичу Есину исполняется 70 лет. Дата серьезная, следовательно, серьезная и тема для разговора. О Ректоре и Писателе. О Наблюдателе и Собирателе.



Сергей Есин нетипичен и в прозе, и в кресле ректора Литинститута. Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

Первая прочитанная мной книга Сергея Есина – один из его дневников. А написал Сергей Есин немало. Давайте хотя бы перечислим: «Живем только два раза» (1969), «Мемуары сорокалетнего» (1984), «Сам себе хозяин» (1985), «Имитатор» (1985), «Временщик и временитель» (1987), «Бег в обратную сторону, или Эсхатология» (1989), «Типы» (1990), «Казус, или Эффект близнецов. Однопартийный роман» (1992), «Стоящая в дверях» (1992), «Текущий день. Рассказы» (1994), «Отступление от романа, или В сезон засолки огурцов» (1994), «Избранное» (1994), «Затмение Марса», роман и повести (1995), «Гувернер», роман (1996), «Власть культуры» (1997), «Смерть титана» (1998–1999). И это еще не все.

Так вот первым, что я прочел, был дневник. В этом дневнике Есин обратил внимание на мои первые рассказы в «Новом мире». Отметил в них, кажется, «новую интонацию». Это польстило, и я стал читать тот дневник дальше. Прочел целиком, было любопытно. Репортаж из нашего времени, пробуждающий странное чувство ностальгии по минувшему году, по месяцу декабрю два года назад... Потом я познакомился с Сергеем Николаевичем. Первый раз на Форуме младописов в Липках. Там я признался залу, что всегда хотел родиться не в Москве, а москвич Есин подошел ко мне и, пожав руку, признался в том же.

Сергей Есин – социальный метафизик. И в книгах, и в общественном деле.

Если говорить о деле, то это постоянное умное подвижничество, тонкая, но четкая расстановка акцентов в областях культуры, подвластных влиянию. Есин возделывает сады Литературного института, где под лукавым и добродушным присмотром ректора наливаются «плоды просвещения». Вопрос не в том, сколько выпускников становятся писателями, вопрос в том ГОСУДАРСТВЕННОМ значении, которое имеет единственный в мире Литературный институт. Сергей Николаевич весь в заботах. Под его опекой и ежегодный фестиваль «Литература и кино» в Гатчине, и государственная премия Москвы в области литературы и искусства...

Есин обладает двумя интересными чертами: деликатностью и отвагой, которые делают его практически непобедимым. В своей успешной и широко простирающейся деятельности он берет не нахрапом, а скорее мягкостью, такой московской интеллигентностью, но при том Есин известен своими совершенно независимыми суждениями, теми открытыми «неполиткорректными» выпадами, какие не позволит себе другое «официальное лицо». Что ж, на то он ректор института словесности, чтобы быть свободным и не кланяться «сильным мира».

В прозе, и в драматургии, и в критике Есин тоже социальный метафизик. В том смысле, что человек сам по себе интересен ему как частица некоторой системы. Герой прозы Есина обычно заведомо привязан суровыми нитями к своей галере. Это как бы «маленький человек», но интересный не его индивидуальными муками, а общим типом. Таковы герои свежих рассказов Есина – мужик, заразившийся СПИДом на курорте, или тетка, которую грохнули за бизнес. Несмотря на яркий художественный фон, страсти, эротические переживания, видны не столько конкретные мужик или баба, сколько социальные типажи.

Для Есина не составляет труда переселиться в чужую социальную шкуру. Да что там! Повесть «Стоящая в дверях» вообще написана от имени женщины. Но даже демонстрируя мастерство «перевоплощения», Есин упирает не на половые признаки, а на социальную мотивировку: «Я ведь баба дошлая, если меня в транспорте, трамвае или в автобусе обидят, я ведь и сама сдачи дам, не поздоровится». Бабий вой под одеялом, завершающий повесть, – это социальный звук, а не постельный.

Итак, герой Есина обусловлен своим статусом, политическим лагерем, достижениями в обществе. Такой герой редко бывает слишком уж убог, обычно это человек значимый, хотя бы в своей узкой области, в своем кружке. Таков герой романа «Имитатор», таков в принципе и гувернер из «Гувернера», сопровождающий богатых стариков на Кипр. Средний, по крайней мере средний человек... Состоявшийся для того, чтобы свое суждение иметь.

Социальность Есина естественным образом продолжается историческими сюжетами (например, не прочитанная еще по-настоящему «Смерть титана», которую бери и экранизируй) и теми же дневниками. Про дневники сам Есин говорит так: «Писатель существует в реальности, именно в силу этого многие современные крепкие писатели занимаются как бы собственным литературоведением, они следят за собственной судьбой. Вообще писатели всегда следят за собственной судьбой». Многие укоряли Есина за публикацию дневников: мол, это нескромно. Однако дневники естественным образом сочетаются с есинской прозой, как посты в Живом Журнале интернета какого-нибудь литератора замечательно складываются с остальными текстами. Дело в том, что художественные произведения Есина МОНОЛОГИЧНЫ, а записи в его дневниках подчас читаются словно реплики из книг. Это суждения, в которых трепещет социальный жар. Все в той же «Стоящей в дверях» героиня пространно сетует на злободневную тему, и становится понятно, что сюжетный повод для ее монолога – это только повод, а реально такие же рассуждения можно встретить и в дневнике писателя. Социальный пафос здесь очевиден... Нет, это надо было слышать! «Разве такие слова, как «говно» – сравнительно недавно, уже во время перестройки, я впервые увидела его напечатанным и узнала его написание, обычно раньше, очень, правда, редко, если пишущие люди его и употребляли, то в некотором камуфляже, как «г...», – так вот, разве это слово что-нибудь объясняет? Разве такие развеселые фразы, которые один старик по телефону бросает другому, как «умрешь в говне», что-нибудь объясняют? Чего здесь больше – ненависти; тайной, получившей возможность истечь злобы; безнаказанности пророчества? «Мы тебя размажем по стене». «Мы тебе теперь и продохнуть не дадим». Кстати, очень интересно, спрашиваю как лицо сочувствующее, кто это такие «мы»? Не мои любимые демократы?»...

Правильно, банальная ругань ничего не объясняет. Объясняет – социальная наблюдательность.

Самый известный роман Сергея Есина «Имитатор». Это история бездари, тихо серфингующей на тихих волнах, и вдруг поднятой волной времени на самый гребень. История того, как посредственный художник, знающий, что он – посредственность, ощущает себя в числе первых. Дорога к славе – это писание портретов крупных чиновников и интриганство... В результате фальшивая репутация «мастера». Есин рассказывал: «Я ушел с московского радио, когда у меня была написана первая глава «Имитатора». Когда шла «секретарская» литература на заданную партийную тему, начальство просило, чтобы я говорил, что это – хорошая литература. Я говорил: нет, я могу сказать, что это – нужная литература, я ее даю».

Есин не чурается политики. Хотя его родные и были репрессированы, он не бросился в омут истерии, самоотрицания, потому что «общее» и «частное» в его писательском сознании близки, и злословить страну – значит, клясть самого себя. А страна, как и личность, сложна, глубока, неподвластна кликушеству. Вот и патриотическая позиция Сергея Николаевича – не митинговый задор, а последовательность во взглядах, здравый смысл реалиста, спокойная вера в народ.

По итогам кровавых событий 1993 года Есин написал «Отступление от романа, или В сезон засолки огурцов», где с эдакой благородной иронией высказался о коллегах, скрепивших подписями слепые и вздорные письма-призывы «подавить врагов демократии» и т.д. В то же время – это «Отступление от романа» оказалось смычкой художественного и дневникового, здесь Есин пишет и о жене, и о работе, и, конечно, доносит свои интимные мысли о человеческой жизни вообще.

Сергей Есин – человек долга. Он не отказывается от выбранного некогда пути.

Сам писатель, он всегда проявлял по-детски искреннюю отзывчивость. Многим помог, вывел в большую литературу, вроде бы при этом умудряясь никому не завидовать.

Постоянно выводя в своих произведениях ТИПАЖИ, сам Есин остается нетипичен, исключителен, эксклюзивен и в своих воззрениях, и в своем неуловимом возрасте... ■

Есин возделывает сады Литературного института, где присмотром ректора наливаются «плоды просвещения»

Отец командиров

Дневник как аргумент в споре за реальность

Сергей Арутюнов

Есин С.Н. На рубеже веков. Дневник ректора. – ОЛМА-ПРЕСС, 2002, 638 с.: ил. – (Эпохи и судьбы).

Всплытие дневников означает: время увернулось от эмблемы. То ли писатели поглупели, то ли окружающее до безобразия усложнилось. Как роман ни гримасничай, как повесть ни ковыляй, как рассказ ни выделывайся – мутно и в душе, и за окном. Ветер, ветер на всем белом свете. Новых-то жанров не желаете?

И вот, как затопленная подлодка, облепленная илом деталей, случайным и безответным (вот что страшно!) бытом вылезает на свет Писательский Дневник, последний аргумент в вековом споре за обладание реальностью.

Он, Дневник, еще не знает, возможен ли в принципе выигрыш, но прет в силки резвее вымысла, – вырывает хлеб у документа, косит очередями репутации ныне здравствующих, сводит счеты с мертвецами, гоняется за фетишами-однодневками, путает хроникеров, – в общем, ведет себя странно, если не вконец асоциально. На все претензии ухмыляется, мол, право имею. Раскольников форева! Урвал долю.

Жизнь московская от званской ничем и не отличается, если вы, конечно, Русский Барин. Особая стать: Руцкой, Михалков, Есин. Все красавцы-усачи, у всех дворня, выезды, визиты, служба, долги такие и сякие, но если уж стремится человек к воле, то оной достигает токмо трудами.

Каковыми-с? «Надцатого был в N-ске, имел разговоры начальственные и не то чтобы, щипнул за ушко N, склонил NN к предприятью мер, думал о воссиянии Отчизны неуклонно, ссудил трех страннопримственных чудаков, лично был на работах, дал в морду Иксу и Игреку очередно, досадовал на непроизводность, заснул полвторого после кофию...» и т.д.

Типаж! Чем вам не герой романа?

Печалуйтесь: аще кто захощет у нас жити изрядно, да взвалит на горб людей, постройку какую-нибудь и тащит до гробу. Как Рыба-Кит, потому что кругом – Окиян.

Есин выволок Литинститут из трясины 90-х, не дал порушить и разграбить. Зачем? В пересменок веков Лит выпустил в мир не худшие свои составы, где «звезды книжного рынка» оказались вторсырьем, а культуртрегеры – первым сортом. Куллэ, Файзов и Цветков сделались по образцу ректора отцами-командирами (матерями-берегинями) словесных колыханий, которые бы отнюдь недурно оставить-таки потомству. И уж если «Житие Сергея Есина» дало такие плоды, неужто не стоило написать его?

Раздробленный мелочами ипостасей и будней, Есин предпочел не уклоняться от фатальных ошибок, ударов, ненависти проигравших именно потому, что с юности взлелеял в себе не болвана, а игрока. Плоха ли игра, хороша ли, божьей грозой, карателем, насмешником он продолжает лететь по пыльным мировым коридорам, наскоро метя их запятыми абзацев. Он вынужден иметь дела с мильоном карликов, от соседства с которыми не становишься Гулливером. Более того – их надо любить. За соотечественность, кривизну судеб, клонящихся куда-то за сумрачные русские горизонты... Предпочитая быть и, следовательно, драться, по дворовому больно, а не до царапок. В отставку-то, как говорится, всегда успеется, только свистни – сбегутся.

Пассионарность – меч. Мужская порода в слякотную годину склонна брезговать жизнью и грезить наяву. Как это, объясните, так: учились, работали, и вдруг – нафиг? Принимаем тургеневские позы времен «Дыма», разгуливаем с тросточками по желтым дорожкам, ждем птичку, что чирикнет и вышибет из нас слезу умиления. Да, мы бесседельные, зато нас, горемычных, пространство любит. Ишь!

Ну да, а принять абсурд – не значит ли раствориться в нем? Соль в том, что абсурд на неприявших и зиждется. Опорные колонны! Причем – и как один – пятые.

Есин не только принял, но и попытался развести тучи железной метлой издевки. Великий Муганга.

За ним традиция, настаиваю, постдостоевская. А именно – бытийного анекдота, видимого снижения людской планки, «некого упадка периода достатка», ну и киплинговско-джеклондонской неукротимости, конечно, ибо джентльмену всегда есть что сказать и у камина, и в шарабане.

Отчасти потому критика Чичикова исторически исходит от «мертвых душ». И Штольца за пронырливость судят почему-то сплошь обломовы. Вы попробуйте напортачить не в губернском N., а в центре Москвы, имея полтораста вверенных душ, тогда и сепетите.

Подлинный стиль Есина, явленный в ректорском дневнике, о котором он с удовольствием читает занудливых до муравьиности филологов, на выверку оказался «эпической трагикомедией», притворившейся небожественной.

А – человеческой. Слишком.■

Сергей Есин: прямая речь

Сергей Николаевич Есин родился в Москве в 1935 году в семье военного прокурора: «У меня – крестьянская, рабочая семья. По линии матери – глубокие, глубокие крестьяне. По линии отца все несколько туманнее. Его мать, а моя вторая бабушка, была из семьи владельцев хлебных ссыпок на Северном Кавказе. Тем не менее мой отец, Николай Михайлович, оказался в четырнадцать лет в революции...»

В 1937 году был репрессирован дед Сергея Есина, начальник паровозного депо под Воронежем, а в 1943 году в сталинские жернова угодил и отец: «В сорок первом году он стоял с револьвером на Заставе Ильича, когда было бегство из Москвы. И, по преданию семейному, остановил несколько машин, которые останавливать было нельзя. Поэтому его через два года убрали. Отец попал в лагерь, а прокуроры, как известно, в лагерях не живут. На него пошли. Отец взял того человека поперек туловища и ударил головой о шконку...»

Семью выселили из казенной квартиры, и пришлось переехать в Калугу. Там будущий писатель получил начатки христианского воспитания: «В войну, когда я оказался в Калуге после всяких пертурбаций, мы купили Евангелие. Так как бабушка была неграмотная, то я ей Евангелие читал. И это, как бы сказать, для меня стало освоенной терминологией...»

О писательской стезе Сергей мечтал еще в детстве: «У меня был такой угол между письменным столом и этажеркой. И вот в этот угол я повесил портретики из «Огонька» – лауреатов Сталинской премии. И купил какой-то цветочек в горшочке. У меня там был детский столик. Я цветочек поставил на этот столик. И сел играть в писателя...»

В 1955 году Сергей Есин поступил в Московский университет: «Когда я пришел в университет, попал в литобъединение к Павлу Антокольскому. Я ведь тогда учился, не читая учебников. Считал, что если прочел текст, то уже на экзамене разберусь. И вот как-то на литобъединении Антокольской ткнул палкой в меня и сказал: «Вот из этого толк выйдет!» Но ошибся – поэтом я так и не стал...»

После университета, отслужив в армии, Сергей Есин работает в Литературном фонде РСФСР – ездит с выставками по стране. Кроме искусствоведческого опыта он приобретает опыт актерский: «Немного снимался в кино, подрабатывал в массовках «Мосфильма» с моими юношескими приятелями – Державиным, Лановым... Год работал в театре – во вспомогательном составе. И актерское ремесло, пусть в самом первом приближении, и работа в художественном фонде помогали быть точным в прозе, когда я об этом писал. В романе «Имитатор» искусствоведы не нашли ни одной искусствоведческой ошибки. Вот этим я горжусь...»

Писать Сергей Есин начал в 60-е годы. Его первое произведение было опубликовано архангельским журналом «Север»: «Мне вообще всегда везло с провинцией. В Москве было очень трудно пробиться, Москва была переполнена своими, в Москве существовала очередь для писательских детей, а я был полон иллюзий, что в один прекрасный день пробьюсь, как герой Джека Лондона Мартин Иден...»

В 1969 году выходит в свет повесть «Живем только два раза», а в 1976 году журнал «Юность» публикует рассказ «При свете маленького прожектора», ставший знаковым для своего поколения: «Как ни странно, я начинал не с рассказа, а с повести. За русским рассказом – с его огромным диапазоном страстей, с обстоятельным, неторопливым развитием сюжета – стоит целая жизнь».

Но настоящая писательская слава обрушилась на Сергея Есина лишь через девять долгих лет, когда в 1985 году журнал «Новый мир» опубликовал его роман «Имитатор»: «Больше всего меня смущает, что «Имитатор», по крайней мере на метафорическом уровне, становится сегодня вновь актуальным. Я-то думал, что ушло время, описанные ситуации, типы. Но – наоборот! Проблема выросла, изощрилась. В этом смысле роману, видимо, предстоит, к сожалению, еще долгая жизнь...»

В 1992 году Сергея Есина избирают на должность ректора Литературного института им. Горького: «Мечтая стать писателем, я тем не менее поступил не в Литературный институт, а в МГУ. Литинститут считал для себя недосягаемым. Тем неожиданней для меня оказалось приглашение в этот институт на работу в качестве преподавателя и избрание меня ректором...»

Не мешают ли ректорские заботы писательству? «Сомерсет Моэм говорил: никогда не бросайте работу, лучшего наблюдательного пункта вы никогда не найдете. Я много в своей жизни попробовал профессий: работал лесником на Севере, служил в армии, бегал на лыжах, умею управляться с оружием. Часто утешаю себя: надоест институт – брошу, уеду в деревню. Страна у нас, товарищи и господа, крестьянская, все мы вышли из крестьян. К слову, от прополки или поливки грядок очень естественно возвращаешься к письменному столу. За это время, глядишь, коечто и придумал...»

От соседства с карликами не всегда становишься Гулливером.

Х.Хох. Дадаист, зарезанный кухонным ножом во время последней немецкой культурной эпохи веймарского пивного брюха